

Б. Н. Чичерин

Наука и религия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Б11

Б. Н. Чичерин
Б11 Наука и религия / Б. Н. Чичерин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 531 с.

ISBN 978-5-458-02409-9

Настоящая книга посвящена проблемам отношения науки и религии. Автор раскрывает предмет и содержание науки и религии, ищет те формы, в которых они могут сосуществовать, дополняя друг друга. Автор убежден, что отрицание религии безнадежно устарело и религиозное сознание является одним из существенных элементов человеческого духа. Религия лежит в центре исторического процесса, являясь в каком-то смысле его двигателем. Позитивная наука ограничена в своих возможностях, и там, где заканчивается ее поле, начинается религия. В сущности, наука и рационализм не могут заменить религию ничем. Наука XIX в. ориентировалась прежде всего на опыт. Но «опыт на столько способен дать нам познание вещей, насколько он озаряется направляющим его разумом; следовательно, чем менее разум доверяет самому себе, тем меньшие плоды он в состоянии извлечь из опыта». Религия и философия удовлетворяют душевные потребности высшего порядка. Историк отмечает интересную тенденцию: в обществе, где снижается потребность в религии, начинается упадок художественной литературы. И это не случайно. Религия дает источники идеалам, а литература, особенно поэзия, эти идеальные стремления выражает. Книга имеет мировоззренческое и историческое значение, поскольку она отразила уровень сознания своего времени в отношении к ключевым вопросам бытия.

ISBN 978-5-458-02409-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вѣстной, ограниченной области явлений. За этими предѣлами открывается безмолвный миръ мыслей, отреченій и чувствъ, которые остаются неудовлетворенными. Сколько ни отвращайся отъ извѣстныхъ вопросовъ, они черезъ это не исчезаютъ, а тѣмъ настойчивѣе направляются на умъ, чѣмъ выше ихъ значеніе для человѣка, ибо они касаются собственной его судьбы, его отношенія къ источнику всякой жизни, наконецъ, тѣхъ правилъ, которыми онъ обязанъ слѣдовать къ своей дѣятельности. Подрывая довѣріе въ философію, положительную науку, тѣмъ самымъ заставляешь людей, съ еще большими ожиданіями, обращаться въ религію, или отказаться отъ рѣшенія этихъ вопросовъ мы не можемъ иначе, какъ отказавшись отъ всей высшей стороны своей природы, отъ самыхъ глубочайшихъ своихъ стремленій, отъ неискоренимыхъ потребностей мысли, отъ благороднѣйшихъ порывовъ своего сердца. Человѣкъ, который хочетъ ограничиться познаніемъ того, что доступно внѣшнимъ чувствамъ, долженъ заглушить въ себѣ голосъ разума и совѣсти; онъ долженъ обресть себя на неутомимую работу, не видя даже надежды, что она когда либо приведетъ его къ желанной цѣли, такъ какъ онъ заранѣе знаетъ, что вся высшая область идей, которая одна говоритъ его уму и сердцу, для него навѣки закрыта. Есть ли возможность заманить мыслящее существо такого рода переселеніемъ? И какъ можетъ подобная наука надѣяться побѣдить религію, которая обращается именно къ высшимъ и лучшимъ сторонамъ члелвческаго естества?

Эти соображенія получаютъ еще болѣе вѣса, если мы взглянемъ на современное сооруженіе такъ называемаго положительнаго знанія. Въ области естествознанія, все ограничивается объясненіемъ чисто механическихъ отношеній. Какъ скоро являетея выходить изъ этихъ предѣловъ, естествоиспытатели говорятъ: «этого мы объяснить не можемъ, мы не знаемъ, а чего мы не знаемъ, того мы не объяс-

няемъ». Относительно же познанія человека, можно сказать, что не сдѣлано еще ровно ничего. Положительная наука стоитъ пока на порогѣ, пытается отворить замкнутую для нея дверь. Объясненіе, по теоріи, должно идти съ низу, начиная съ фивическихъ явленій; но изслѣдованіе этой стороны человѣческой души едва начинается. Нѣтъ ни одного твердаго положенія, ни одного безспорнаго вывода. Изслѣдователи не согласились даже относительно способа изученія душевныхъ явленій, колеблясь между внѣшнимъ опытомъ и внутреннимъ, и не зная гдѣ найти точку опоры. По выраженію одного изъ значительнѣйшихъ писателей этого направленія, оно представляетъ настоящее вавилонское столпотвореніе. Когда же, не отожкинувши двери, приверженцы чистаго реализма начинаютъ говорить о томъ, что происходитъ въ домѣ, мы, къ удивленію, встречаемъ только жалкіе обрывки давно извѣстныхъ и давно опровергнутыхъ философскихъ теорій, или же воздвигаются такіа фантастическія зданія, которыя никакъ уже не могутъ имѣть притязанія на имя точной науки. Чѣмъ же можетъ замѣнить реализмъ отвергаемая имъ религія и философія? Ничѣмъ. Онъ взываетъ только къ человеку: откажись отъ того, что тебѣ всего дороже, отъ самыхъ заветныхъ своихъ убѣжденій, и вѣрь положительной наукѣ, которая оставляетъ тебя въ полномъ невѣдѣніи относительно именно того, что тебѣ всего болѣе желательно знать. Какое понятіе о человекѣ должны имѣть тѣ, которые проповѣдуютъ подобное ученіе, и каковы должны быть тѣ, которые имъ довольствуются?

Эта самоувѣренность ограниченной точки зрѣнія, это отрицаніе высшихъ явленій духа во имя теорій, имѣющей претензію опираться на явленія, доказываютъ, что современная наука не успѣла еще утвердиться на прочныхъ основаніяхъ. Разочаровавшись въ философскихъ системахъ, которыя смѣлымъ полетомъ мысли хотѣли объять

всю вселенную, человѣческій умъ кинулся въ противоположную крайность. Онъ въ опытѣ сталъ искать для себя твердую точку опоры. Но здѣсь его должно постигнуть еще большее разочарованіе. Тамъ, гдѣ онъ думалъ найти свѣтъ, онъ обрѣтаетъ только мракъ. Опытъ на столько способенъ дать намъ познаніе вещей, на сколько онъ озаряется направляющимъ его разумомъ; слѣдовательно, чѣмъ менѣе разумъ довѣряетъ самому себѣ, тѣмъ меньшіе плоды онъ въ состояніи извлечь изъ опыта. Последній даетъ намъ только разнообразныя явленія и чисто внѣшній ихъ порядокъ въ пространствѣ и времени. Ни смысла, ни связи явленій опытъ намъ не раскрываетъ: связующее начало, не подлежащее внѣшнимъ чувствамъ, постигается только разумомъ. Поэтому, какъ скоро мы отвергаемъ разумъ, какъ самостоятельный источникъ познанія, такъ остается одно лишь совершенно непонятное для насъ внѣшнее сопоставленіе явленій, или же, если мы хотимъ что либо объяснить, мы принуждены внутреннюю связь сводить на внѣшнюю, то есть, вездѣ видѣть одинъ механизмъ, который однако, въ свою очередь, остается для насъ необъяснимымъ. Это и дѣлаютъ реалисты. Но механическое воззрѣніе, приложенное къ известной области явленій, оказывается совершенно недостаточнымъ тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло не съ внѣшнею, а съ внутреннею связью вещей. Стараніе все сводить къ механическимъ отношеніямъ ведетъ не только къ непониманію, но и къ искаженію всѣхъ высшихъ явленій природы и духа, которыя насильственно подводятся подъ неприменимые къ нимъ законы и въ которыхъ намѣренно отрицаются самыя существенныя ихъ черты. Всего болѣе это обнаруживается въ той области, гдѣ разумъ самъ является дѣятелемъ. Отрицая значеніе его, какъ самобытнотой силы, составляющей источникъ самостоятельныхъ опредѣленій, мы очевидно ничего не поймемъ въ явленіяхъ человѣческой

жизни. Мы будем стараться объяснить частными и
 вторичными отношениями то, что составляет явление вы-
 шшего, идеального начала. Отсюда та масса уродливых
 произведений, которыми, под знаменем положительной нау-
 ки, наводняются все отрасли знания, касающияся человека,
 начиная от психологии и кончая социологиею и исторіею.
 Такое направление прямо ведетъ къ отрицанію всей вы-
 шшей стороны человеческой природы, того, что связываетъ
 насъ съ безконечнымъ. Человѣкъ приравнивается къ жи-
 вотнымъ, ниводится на степень простаго физическаго
 существа, котораго жизнь и дѣятельность определяются
 механическими отношеніями соединяющихся въ немъ ма-
 териальныхъ элементовъ и окружающихъ его естествен-
 ныхъ силъ.

Понятно, какіе печальные жизненные плоды должно бы-
 ло принести такое настроеніе умовъ. Душа человека возвы-
 шается, когда онъ устремляетъ свои взоры на общее, все-
 объемлющее, вѣчное; напротивъ, кругозоръ его суживается
 и душевныя силы слабѣютъ, когда онъ вращается исклю-
 чительно въ области частныхъ. Ниврода его съ неба на землю,
 реализмъ неизбѣжно долженъ былъ повести къ пониженію
 умственнаго и нравственнаго уровня человеческихъ об-
 ществъ. Это мы и видимъ въ настоящее время. Результа-
 томъ положительнаго знанія, дающаго лишь частныя рѣ-
 шенія по частнымъ вопросамъ, является отсутствіе вся-
 кихъ общихъ идей, а вслѣдствіе того, хаотическое состоя-
 ніе умовъ. Современный образованный человѣкъ потерялъ
 свое равновѣсіе; нигдѣ онъ не находитъ твердой точки
 опоры. Среди безконечнаго множества частныхъ, у него
 исчезъ всякій общій взглядъ. Никогда еще не было та-
 кого всеобщаго шатапія, такого умственнаго мрака, какъ
 именно теперь. Сильная мысль, крупныя убѣжденія, высо-
 кіе характеры становятся рѣдкостью. Практическіе вопро-
 сы еще способны приковывать къ себѣ людей; теоретиче-

шіе интересы отошли на задній планъ, и возбуждаютъ умы лишь на столько, на сколько въ нихъ, выражается та или другая практическая тенденція. Явнымъ признакомъ этого никакаго умственного состоянія служатъ всеобщій упадокъ изящной литературы. Въ этомъ нельзя видѣть случайное только явленіе; положительное знаніе всего мѣжѣ допустить такого рода всеобщія случайности. Это — знакъ времени. Въ цѣломъ выражаются идеальныя стремленія чело- вѣчества. Тамъ, гдѣ изсякъ ея источникъ, можно навѣр- ное сказать, что оскудѣла идеальная жизнь общества. Человѣкъ, вслѣдствіе господства реализма, превращается въ исключительно внизъ смотрящее существо. Откуда же взяться поэтическому вдохновенію?

Въ Россіи, это пониженіе общаго уровня должно было отразиться въ еще болѣе печальныхъ явленіяхъ, нежели гдѣ либо. Современное русское общество превратилось въ ум- ственную пустыню. Серіозное отношеніе къ мыслямъ, искреннее уваженіе къ наукѣ почти исчезли; всякій живой источникъ вдохновенія изсякъ. Съ паденіемъ философіи, логика сдѣ- лалась излишнимъ бременемъ; умѣніе связывать свои поня- тія отошло къ области предрасудковъ. Никогда еще рус- ская литература не стояла такъ низко; никогда легкомы- сліе и невѣжество такъ беззастѣнливо не выставлялись на показъ. Самые крайніе выводы самыхъ одностороннихъ за- падныхъ мыслителей, обыкновенно даже непонятые и не- переваренные, смѣло выдаются за послѣднее слово евро- пейскаго просвѣщенія. Либерализмъ и социализмъ, реализмъ и утопія, самыя противоположныя и исключашія другъ друга направленія, сливаются въ невообразимый хаосъ, въ которомъ можно найти все, кромѣ знанія и мысли. Та- ково наше положеніе. Когда читаешь или вспоми- наешь о прежнихъ людяхъ, съ ихъ широкимъ образова- ніемъ, съ ихъ развѣтвленными интересами, при гораздо меньшей возможности дѣйствовать, больно и обидно ста-

новится за настоящее. Западно-европейскія общества, погружившись въ исключительное изученіе частныхъ, сохранили по крайней мѣрѣ одну 'облагороживающую черту: упадокъ мысли искушается до нѣкоторой степени значительностью умственного труда, обращеннаго на изслѣдованіе фактическаго матеріала. У насъ, къ сожалѣнію, и этого нѣтъ. Если западнаго Европейца можно сравнить съ рудокопомъ, который неумоимо работаетъ въ рудникахъ, приготовляя себѣ богатства для будущаго, то мы, при скудости нашего образованія, довольствуемся ожиданіемъ чужихъ благъ, а пока питаемся кой-гдѣ подобранными крохами, которые доставляютъ посредники, слишкомъ часто расчитывающіе на неразборчивость публики. Отсюда внутренній разладъ и дикія фантазіи, рождающіяся во мракѣ. Сколько среди насъ людей, которые забыли даже, что существуетъ свѣтъ Божій и готовы завидать маленькими тому, кто дерзаетъ о немъ помянуть!

Выйти изъ этой удушливой атмосферы составляетъ насущную потребность всякаго, въ комъ живы еще интересы мысли, кто не довольствуется житейскою пошлостью или на вѣру принятымъ направленіемъ. А выйти изъ нея можно только однимъ способомъ: поднявши глаза къ верху, вмѣсто того чтобы упорно держать ихъ прикованными къ низу. Поднять ихъ нужно не съ тѣмъ, чтобы отлетѣть отъ земли и унести въ невѣдомую область, а съ тѣмъ чтобы, оставаясь на землѣ и пользуясь ея богатствами, окинуть взоромъ все необъятное пространство неба и уразумѣть великую связь, соединяющую высшее съ низшимъ, небесное и земное. Возможно ли исполненіе подобной задачи? Думаю, что наука собрала для этого достаточно данныхъ, если только мы не ограничимся мимолетными произведеніями вчерашняго дня, а усвоимъ себѣ все то, что человечество выработало на своемъ многовѣковомъ и многотрудномъ пути. Во всякомъ случаѣ, кому удалось дора-

ботаться до самостоятельного взгляда на эти предметы и озарить светомъ хотя малѣйшую частичку безконечнаго мира мысли и чувства, тотъ обязанъ представить результаты своего труда на сужденіе современниковъ, ибо этимъ только подвигаются впередъ и наука и жизнь.

Приступая къ обсужденію поставленныхъ мною вопросовъ, я долженъ сказать, что я становлюсь чисто на точку зрѣнія науки. Богословскія изслѣдованія и размышленія могутъ удовлетворять убѣжденныхъ уже въ истинѣ извѣстной религіи, но не въ состояніи убѣдить тѣхъ, которые покинули религіозную почву. Какъ скоро возбужденъ испытующій разумъ, такъ ему одному принадлежитъ верховное рѣшеніе занимающихъ его задачъ. Если онъ подчиняется высшему авторитету, то онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ на основаніи собственнаго убѣжденія, точно пробѣривъ всѣ свои пути. Вѣра для разума составляетъ не точку исхода, которая принимается слѣпо, а объективное начало, которое изслѣдуется въ своемъ существѣ и въ своихъ проявленіяхъ. Только этимъ путемъ можно сдѣлать научный выводъ. Но это изслѣдованіе должно быть ведено безъ всякаго пристрастія и предубѣжденія. Всего менѣе можетъ быть здѣсь допущено отрицательное отношеніе къ предмету, которое обыкновенно служитъ только признакомъ незнанія или непониманія предмета. Истинная наука во всякомъ общемъ явленіи видитъ положительное выраженіе законовъ природы и духа, и чѣмъ глубже она его изучаетъ, чѣмъ болѣе выясняется передъ нею его смыслъ, тѣмъ болѣе исчезаетъ разстояніе между познающимъ и познаваемымъ. Разрывъ между наукою и религіею составляетъ принадлежность извѣстныхъ ступеней развитія; онъ происходитъ иногда отъ недостаточности науки, иногда отъ недостаточности религіи. Но окончательною цѣлью развитія представляется высшее объединеніе обѣихъ областей, конечный синтезъ всего духовнаго міра. Таково глубокое убѣжденіе, которое

я вынесъ изъ своихъ научныхъ изысканій, и которое одно дастъ мнѣ смѣлость взяться за перо. Постараюсь передать его тѣмъ, кого искренно занимають эти вопросы.

Прошу только благосклоннаго читателя не поспѣвать, если въ этомъ изслѣдованіи я долженъ буду на первыхъ порахъ вести его черезъ то, что можетъ показаться пустыми метафизическими тонкостями или сухой схоластикою. Кому извѣстна связь всѣхъ частей науки между собою, тотъ знаетъ, что эти метафизическія тонкости называются въ послѣдствіи исполненными жизненнаго значенія. Онѣ составляютъ необходимое условіе всякаго пониманія. Это—тотъ мерцающій свѣточъ, который непривычному глазу кажется неспособнымъ разсвѣтъ окружающій насъ мракъ, но который въ дѣйствительности одинъ можетъ вывести человека въ высшую область всеозаряющей истины. Горе служителю науки, который погасилъ въ себѣ этотъ свѣтильникъ! Онъ осужденъ вѣчно пресмыкаться въ низменностяхъ реализма, потерявши даже память о томъ, что онъ рожденъ для иного знанія и для иной жизни.

КНИГА I.

Н А У К А.

